

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

ЗАВЕЩАНИЕ ЛОМОНОСОВА

“Незнание — это небытие”.

Платон

Изучение личности и деятельности М. В. Ломоносова (19.11.1711–04.04.1765) как явления отечественного и мирового масштаба ввиду своей неисчерпаемости никогда не завершится. И тем не менее весьма скромные успехи ломоносоведения можно назвать удивительными – в том смысле, что состоялись они прежде всего благодаря филологически образованным исследователям, хотя деятельность Ломоносова в более чем немалой степени была связана с естествознанием. И среди таких исследователей особое, если не сказать первостепенное, место принадлежит выдающемуся историку, философу и писателю Константину Сергеевичу Аксакову (1817–1860), автору глубокого фундаментального исследования “Ломоносов в истории русской литературы и русского языка” (1846). В нем, по сути, впервые были сформулированы и обоснованы едва ли не все духовно значимые темы ломоносоведения, которые впоследствии так или иначе развивались его последователями. В этом труде Ломоносов весьма объемно представлен как мыслитель и поэт “пробуждения в языке национального общего”. Кроме того, он раскрывается в нем как созидательный реформатор русской словесности, а также сравнивается с фигурой Петра Великого (1672–1725).

Как и следовало ожидать, особенно в XIX в. о Ломоносове вышло огромное количество публикаций, за которыми, однако же, как сообщает в предисловии к сборнику “Михаил Васильевич Ломоносов” (М., 2004), изданному в серии “Русский мир в лицах” Е. В. Баранникова, трудно разглядеть его подлинное лицо. Чем же вызвано столь неутешительное положение? В своем очерке, написанном для “Русского биографического словаря” (СПб., 1914), историк химии Борис Николаевич Меншуткин (1874–1938) писал: “В настоящее время многое, казавшееся ранее неясным в жизни Ломоносова, получает новое освещение благодаря документам, опубликованным в связи с празднованием двухсотлетия со дня его рождения; вместе с извлеченным из архива Академии наук материалом теперь является возможность дать более полный и, главное, более точный биографический очерк Ломоносова, основанный на документальных данных, а не анекдотах современников, точно так же ныне, — когда разысканы и разобраны научные рукописи Ломоносова, сохранившиеся в архивах Академии, и напечатаны в выходящем академическом издании сочинений Ломоносова (представляющем первое, действительно полное собрание всего написанного им)”.

Из приведенной цитаты следует, что российская научная и литературная общественность, по сути дела, вплоть до 1911 г. не располагала достаточными сведениями о жизни и деятельности Ломоносова. Возможно, этим и объясняются великие затруднения в выявлении его подлинного лица потомками, включая и А. С. Пушкина, высказывания которого о нем как о поэте, особенно первоначальные, не отличаются основательностью. Так, в письме Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878) 7 июня 1824 г., отвергая всякую возможность покровительства со стороны генерал-губернатора Новороссии Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), поэт писал: “Никто из нас не захочет великодушного покровительства просвещенного вельможи, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независимой. Мы одни должны взяться за дело и соединиться”. Владевшая Пушкиным едва ли не всю его жизнь потребность независимости каким-то образом сочеталась в нем с неиссякаемым стремлением к созвучному ему содружеству, которое само по себе является олицетворением вездесущего закона взаимозависимости. Даже в конце жизни, как бы находясь в тисках вековой усталости, он писал:

*Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.*

Никому

*Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...*

(Из Пиндемонти, 1836)

Но Ломоносов как раз никогда не поступался перед властью имущими ни совестью, ни тем более своими помыслами. Если он и пользовался покровительством ставшего в 18 лет президентом Академии наук графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), а также фаворита императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761/1762) графа Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), то, как показало время, с величайшей пользой для своего Отечества. К слову, эти два покровителя, по сути, были его учениками. Так, последний обучался у Ломоносова стихосложению и риторике. Может быть, именно в этот период, говоря словами поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), “вельможа и поэт угадали друг друга”. Во всяком случае, их отношения порою были неоднозначными и тем не менее настолько дружественными, что они обменивались своими планами, причем Шувалов часто требовал от Ломоносова мнений и советов по важным государственным вопросам. В результате родилась идея создания Московского университета, практическое осуществление которой целиком легло на плечи И. И. Шувалова, ставшего куратором университета после его открытия в январе 1755 г. Им же в 1758 г. была открыта и Академия художеств. Вот и получается, что блистательный царедворец был не столько покровителем Ломоносова, сколько его соратником и, можно даже сказать, последователем на педагогическом поприще. Так, он воспитывал на образцах ломоносовской поэзии своего двоюродного племянника, графа Андрея Петровича Шувалова (1744–1789), впоследствии сочинившего на французском языке “Послание к Нинон” (“Épître a Ninon l’Enclos”), в котором воспевались знаменитая французская куртизанка и писательница Нинон Ланкло (1616–1706) и “наследник” ее вольнолюбивая Вольтер (1694–1778). Это “Послание...” вызвало такой восторг во Франции, что его сочинение, несмотря на публикацию с фамилией истинного автора, тут же было приписано Вольтеру, и тому пришлось неоднократно это отрицать. В очередном разъяснении он писал: “Я восхищаюсь этим “Посланием”; я вновь возражаю тем, кто осмелится утверждать, будто я имею к нему хоть какое-то отношение. Эта неслыханная честь, какую русские оказывают нашему языку, должна убедить нас в том, с какой силой они пишут на своем, и заставить нас краснеть за наши бесцветные писания, мерзостями и вздором коих мы наводнили этот век...” Впервые это разъяснение, включая и полный текст “Послания”, было опубликовано в русском переводе совсем недавно (см.: Россия и Запад. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 580–585. Перевод с фр. Л. В. Гладковой). Вольтер полагал, что “Послание” А. П. Шувалова “навсегда останется одним

из драгоценнейших памятников французской литературы”. Как видим, благотворное влияние Ломоносова на своих соотечественников выразалось и в таком совершенно неожиданном виде. К сожалению, эта тема, по крайней мере, на общедоступном уровне, освещена недостаточно. А влияние это было огромным и, как в случае с Пушкиным, далеко не простым. Уже через год скептическое отношение поэта к Ломоносову претерпело качественное изменение. В его письме (май-июнь 1825 г.) к Александру Александровичу Бестужеву (1797–1837) читаем: “Уважаю в нем (в Ломоносове. – Г. К.) великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга”. В августе того же 1825 г. в статье “О предисловии г-на Лемонте...” Пушкин, закрепив за Ломоносовым статус стихотворца, назвал его первым нашим лириком “пламенных порывов чувства и воображения”, у которого слог “ровный, цветущий и живописный”, поскольку “заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным”. С этого времени отношение Пушкина к Ломоносову принято считать установившимся. Однако в его статье “Путешествие из Москвы в Петербург” (1833–1835) читаем буквально следующее: “В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредным и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым”.

Самое удивительное то, что едва ли не все пункты этого высказывания с легкостью опровергаются. Чтобы убедиться в этом, приведем лишь одну строфу из оды “Вечернее размышление о Божием величестве...” Ломоносова:

*Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.*
(1743)

Как видим, ломоносовское воображение, соединенное с благоговейным впечатлением от созерцания открывшейся взору вселенной, нисколько не уступает силе и живости воображения Пушкина и даже в чем-то его превосходит. И это не исключение. Вот еще пример из другой ломоносовской оды:

*О Боже, что есть человек?
Что Ты ему Себя являешь,
И так его Ты почитаешь,
Которого столь краток век.*

*Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.*
(1743)

Здесь опять та же живая ломоносовская выразительность неизменно торжествует. Единственное, в чем Пушкин мог бы по-настоящему упрекнуть Ломоносова, так это в полной его неспособности к поэтическому вымыслу, над которым можно было бы облиться слезами. И правда, с детства включенный в суровую действительность, Ломоносов не тяготел к вымыслу и, кажется, был ему совершенно чужд, да и поводов для слез и без него всегда хватало. В той же оде читаем:

*Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.*

Казалось бы, после столь нелицеприятного мнения, высказанного в “Путешествии...”, у Пушкина ничего общего с Ломоносовым быть не могло. Но парадокс как раз и заключается в том, что не существовало на земле поэта, с которым творчество Пушкина было бы более плодотворно связано, нежели с ним.

Еще К. С. Аксаков в своем исследовании неоднократно указывал на то, что у Пушкина мы видим стих Ломоносова. Эту же тему, уже более основательно, затронул литературовед Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) в своем труде “Пушкин и проблемы реалистического стиля”. В нем он привел мнение поэта и писателя Николая Александровича Энгельгардта (1867–1942), который, имея в виду прежде всего “Полтаву”, сблизил ее “самый строй стихов, лад, дух и гармонию” с поэтической манерой ломоносовской лиры. Гуковский уже прямо поставил вопрос о наличии ломоносовской традиции в творчестве Пушкина. К сожалению, едва ли не все последующие биографы Ломоносова отнесли к его доводам без должного внимания. И среди них литературовед, фольклорист и переводчик Александр Антонович Морозов (1906–1992), заслуженно получивший за свою первую в истории литературы самую полную биографию “Михаил Васильевич Ломоносов” (ЖЗЛ, 1950) Сталинскую премию. В 1955 г. книга вышла в той же серии повторным изданием с фантастическим для нашего времени 90-тысячным тиражом. В этой книге Ломоносов обрисован с документальной точностью, согласно иерархии его заслуг. В их числе – создание одической поэзии, не имеющей “подобий на Западе”. Поскольку Пушкин называл оды Ломоносова “должностными”, весьма предусмотрительный Морозов сначала указал на их поучительный смысл, а затем уже, будто бы возражая не столько Пушкину, сколько самому себе, резюмировал, что “нельзя рассматривать оды Ломоносова как своеобразные поучения царям”, ибо “Ломоносов, по самому глубокому смыслу своих од, славит в них вовсе не царей, а Российскую державу, свою прекрасную Родину. За бледными фигурами “безликих” самодержцев встает единственная Героиня одической поэзии Ломоносова, великая и необъятная, “небу равная Россия”. На этом замечательном месте авторская полемика с Пушкиным обрывается. Правда, далее Морозов, может быть, как раз в ее продолжение ссылается на критика Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848), назвавшего Ломоносова “Петром Великим русской литературы” (1846), а также приводит выражение историка и политического деятеля Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) о космическом дыхании поэзии Ломоносова.

В 1990 г. в серии “ЖЗЛ” увидела свет книга “Ломоносов”, написанная известным литературоведом Евгением Николаевичем Лебедевым (1941–1997). В ней, хотя и лаконично, зато панорамно, обозначена тема глубокого влияния ломоносовской традиции не только на Пушкина, но едва ли не на всю русскую литературу XIX века, включая Е. А. Боратынского, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Несколько лет назад эта книга в окончательном варианте была переиздана как “лучшая на сегодняшний день биография М. В. Ломоносова” (М.: ОГИ, 2008). Скорее всего, она еще долго будет оставаться таковой, поскольку ее автор сумел передать в ней сам дух Ломоносова. Во всяком случае, до него это никому не удавалось. Да и после пока не удастся.

Великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому (1823–1886) принадлежит мысль о том, что через Пушкина умнеет всё, что может поумнеть. Но в данном случае мы имеем довольно веские доказательства того, что сам Пушкин как бы окончательно прозрел и возвысился до статуса государственного мужа, подхватив и продолжив в своем творчестве ломоносовскую тему Петра Великого, о чем красноречиво свидетельствуют его “Стансы” (“В надежде славы и добра...”), “Полтава”, “Медный всадник” и др. Он даже намеревался написать историю Петра и в своем знаменитом письме Петру Яковлевичу Чаадаеву от 19 октября 1836 г. именовал его “целой всемирной историей”. Эта оценка российского венценосца является развитием мысли Ломоносова о всемирном явлении оего кумира, высказанной им еще в “Похвальной надписи к статуе Петра” (1746–1747). Приведем ее здесь, поскольку в ней содержится, по сути, все, что было сказано впоследствии о Петре Великом в русской литературе.

*Се образ изваян премудрого Героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и царствуя служил,
Свои законы сам примером утвердил,
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далеких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатом,
Домашних побеждал и внешних сопостатов;
И, словом, се есть Петр, отечества отец;
Земное божество Россия почитает,
И столько олтарей пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязанных сердец.*

В героической поэме “Петр Великий” есть такие строки: “Да на Его пример и на дела велики / Смотри весь смертных род, смотря земны Владыки / Познают, что Монарх и что отец прямой, / Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой”.

В пушкинских “Стансах” (1826) читаем: “То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник”. Первородная связь этих строк с ломоносовскими очевидна. Поэма “Петр Великий”, судя по всему, всю жизнь привлекала Пушкина своею мощью чуть ли не библейского откровения. Одновременно с этим он относился к ней неизменно критически. Благодаря этому мы можем поэтапно отследить хронологическую степень ее влияния на пушкинское творчество. К примеру, у Ломоносова: “Достигло дневное до полночи светило; / Но в глубине лица горящего не скрыло”. Пушкин в 1820 году (!) пишет: “Погасло дневное светило; / На море синее вечерний пал туман”. То же самое можно сказать и о многих других произведениях Пушкина: многократное эхо ломоносовских глаголов и образов в пушкинской поэзии отнюдь не редкость.

Писатель Рудольф Константинович Баландин в своей книге “Ломоносов” (М.: Вече, 2011) приводит строки из 5-й главы “Евгения Онегина”: “Но вот багряною рукою / Заря от утренних долин / Выводит с солнцем за собою / Веселый праздник именин”, которые почти дословно совпадают со строками поэтического обращения Ломоносова к императрице Елизавете Петровне: “Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с солнцем за собою / Твоей державы новый год”.

Конечно, в разные времена гениальные поэты, в том числе и Ломоносов, в той или иной мере обладали способностью брать из чужих творений свое, не нанося этим творениям и их авторам, по сути, никакого ущерба. Но у Пушкина эта способность, как правило, носила фатальный характер для его творческих кредиторов, ибо, беря у них строки или даже строфы, он как бы превращал их в своих эпигонов. Так, выражение “гений чистой красоты” Пушкин позаимствовал из стихотворения Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) “Лалла рук” (1821) для своего послания “К А. П. Керн” (1825), и с тех пор оно прочно закрепилось в народе как пушкинское. Между тем и весьма сведущие в поэтическом творчестве современники Жуковского давали его стихотворению высочайшие оценки. Значительный поэт, незаурядный мыслитель и критик Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), в частности, писал о нем: “Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии... это не картина, а видение...”

После этого неудивительно, что вольная или невольная тяга Пушкина к заимствованиям приводила его пиитическое окружение в священный трепет, а порою и в отчаяние. Поэт Павел Александрович Катенин (1792–1853) не без горькой иронии предлагал как можно скорее упрятать Пушкина в “желтый дом”, иначе он пустит своих собратьев по миру. Это была, конечно же, шутка, однако небеспочвенная.

Так вот, Пушкину не удалось пересилить или хотя бы нейтрализовать ломоносовскую традицию в своих творениях, несмотря на их несомненное гармоническое совершенство. К примеру, в “Медном всаднике” он неизменно шел в ее русле, хотя бы и в описаниях природных и небесных явлений, кста-

ти, отличающихся у Ломоносова не только образной, но и научной точностью. Словом, все говорит о том, что Пушкин сознавал поэтическое значение Ломоносова, он занимал его необычайно – ничуть не меньше, чем Петр Великий, образ которого так до конца и не дался Александру Сергеевичу во всем его объеме, о чем он сетовал: “Он слишком огромен для нас, близоруких – надо отодвинуться на два века”. Но ведь и Ломоносов, без которого петровская Россия могла бы во многом не состояться, оказался для него непосильным. Это видно из его высказывания, давно уже ставшего хрестоматийным: “Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец – он всё испытал и всё проник”.

Как видим, Пушкин, в конечном счете, отказал Ломоносову только в одном – в том, что он не поэт, а всего лишь стихотворец. Скорее всего, причиной такой, несомненно, несправедливой постановки вопроса было пушкинское убеждение, согласно которому “поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами”. То есть только тех, кто появился на свет в одной-единственной ипостаси – священной жертвы Аполлона. А Ломоносов выступал во множестве разнородных ипостасей, и потому он не поэт, а только стихотворец. Однако обратимся к общеизвестному со школьной скамьи стихотворению Ломоносова, по сути являющемуся его наставлением-завещанием потомкам:

*Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде:
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и на едине,
В покое сладки и в труде.*

*О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих,
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.*

Стоит лишь спокойно вникнуть в незамысловатые строки этого стихотворения, вычлененного из посвященной императрице Елизавете Петровне оды, и на тебя пахнет не вымыслом, над которым хочется облиться слезами, а духом общечеловеческого долга перед Богом и Отечеством, перед прошедшими и будущими поколениями. Если вдуматься в прочитанное и сопоставить его с высочайшими образцами отечественной и мировой поэзии, то невольно приходишь к осознанию того, что равного этому стихотворению ничего нет. Почему нет? Да потому, что из него вышел пушкинский Лицей, все наши гимназии, университеты, самообразование и, наконец, сам Гоголь вместе с его “Шинелью” вышел. Более того, из этого стихотворения вышла вся Россия, преодолевшая революционную смуту, победившая фашизм и ставшая первой в мире космической державой!

Казалось бы, год 300-летия со дня рождения Ломоносова, как минимум, должен быть ознаменован его именем, однако ничего подобного и в помине нет. Зато нам регулярно показывают по телевидению в программе “Академия” портрет Эйнштейна, а в промежутках крупным планом подают самоупоенную физиономию Баскова, словно не сегодня-завтра нам предстоит выбирать его

в президенты. Помнится, 22 сентября 2006 г. в то время действующий президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал Указ № 1022 “О праздновании 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова в 2011 году”. Тогда же в СМИ промелькнула информация о том, что на выполнение этого указа только Архангельской области будет выделено 8 миллиардов рублей. Конечно, пребывать в эйфории по этому поводу могли только весьма и весьма наивные люди. И все-таки хотелось верить, что к означенному трижды круглому юбилею будет переиздано хотя бы 11-томное Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, начатое еще при Сталине в 1950 г. и ставшее вскорости после его издания библиографической редкостью. Но, увы, текущий год, как ни крути, уже на излете, “а Германа всё нет”. Правда, московский Институт русской цивилизации все же успел издать избранные труды Ломоносова под общим названием “О сохранении русского народа”. Будем утешаться также замечательным предисловием к ним безымянного автора. Порадовало нас и московское издательство “Голос-Пресс”, выпустившее буквально накануне юбилея довольно основательную книгу “Михаил Ломоносов”, содержащую серьезные работы о юбиляре. И среди них хотелось бы особенно выделить обширную статью выдающегося ученого и публициста, академика РАН Михаила Яковлевича Лемешева “Гений русского духа навсегда”. В ней дан глубокий анализ деятельности Ломоносова, бывшего основоположником системного подхода в исследовании природы и общества, варварски прерванного псевдореформаторами в наше время. В ней также показано, что оные являются прямыми врагами замыслам Ломоносова и Петра Великого, сделавших науку и другие отрасли российского хозяйства государственным делом. К этому нужно прибавить, что эти псевдореформаторы являются также противниками и величайших умов античности – таких, как Платон и Аристотель, считавших сильное, стабильное государство важнейшим и ничем не заменимым условием созидательного развития любого народа. Аристотель в своем труде “Политика” писал следующее: “Поскольку всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага, то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремятся то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим”. Согласно Платону, в условиях демократии государство всегда прозрачно, ибо при ней не хватает управления, а общечеловеческие ценности и правосудие главным образом имитируются, поэтому преступники разного рода ведут себя при ней как полубоги, и т. д. (см.: “Государство”).

Наши же, якобы демократические, реформы вот уже более 20 лет направлены на максимальное сокращение роли государства даже в сфере экономики. Само же государство замещается интересами бизнеса, который якобы сам всё и регулирует. Петр I, по словам Александра Ивановича Герцена (1812–1870), бросил вызов России, и она через 100 лет ответила ему Пушкиным. Уточним, она еще прежде ответила ему Ломоносовым, оказавшим глубочайшее влияние буквально на все сферы деятельности российской державы. Нынешние псевдореформаторы тоже бросили ей вызов, и она незамедлительно ответила им бандитами, мародерами, проститутками, беспризорниками, безработицей, развалом экономики, науки, образования и т. д.

Так что же каждому из нас теперь делать? Говоря словами Александра Васильевича Суворова (1729–1800): “Выбери себе героя (желательно Ломоносова. – Г. К.), подражай ему, следуй за ним, обгони его. Слава тебе!”